

Пятьсот му хлопчатника, посаженных Шэнь Цинжанем, зацвели. Белоснежные коробочки хлопка, словно пушистые облака, опустились на поля, являя взору бескрайнюю картину обильного урожая.

Усовершенствованные хлопкоочистительные машины и прялки уже вовсю работали. Шэнь Цинжань полностью доверил Пань Юньси контроль за пошивом зимних курток.

Они собирали женщин и детей, оставшихся без крова из-за войны, давали им приют и обучали ремеслу. Тем, кто хотел шить куртки, еще и платили. Главной задачей было помочь им пережить зиму, а уж потом думать, как устроить их жизнь дальше. Через два месяца шестьдесят тысяч ватных курток были готовы и партиями отправлены в гарнизоны — по одной куртке на каждого солдата, включая и тех ветеранов, что демобилизовались и вернулись к мирной жизни. Шэнь Цинжань распорядился записать их адреса и взять отпечатки пальцев, чтобы зимой они могли получить в местной управе теплую одежду и рис.

У Пань Юньси обнаружился удивительный талант к управлению: под её руководством женщины шили куртки и быстро, и качественно. Когда работа была завершена, Шэнь Цинжань пригласил её в столицу, желая передать ей секреты ведения бизнеса. Он не мог каждый раз лично встречаться с Му Вэнькоу, и для решения мелких и средних вопросов нужен был толковый представитель.

Учитывая, что там будет Чан Суй, можно было не опасаться, что Му Вэнькоу обведет Пань Юньси вокруг пальца. Главное, чтобы она сама согласилась на эту роль.

Север и юг страны сильно отличались друг от друга. Шэнь Цинжань, учитывая местные климатические условия и почву, подбирал наиболее подходящие культуры, развивая региональные отрасли. Когда производство набрало обороты, встал вопрос о товарообороте. Шэнь Цинжань и Му Вэнькоу вели совместный бизнес под покровительством государства, а налоги выплачивались отдельно. Для торговли между севером и югом качество дорог имело решающее значение. Му Вэнькоу, получив самые выгодные торговые преференции, обязался по контракту ежегодно строить цементные дороги. Главные тракты между важными провинциями были вымощены толстым слоем улучшенного «саньхэту» (смесь извести, песка и глины), что невероятно облегчило жизнь простым людям.

От осеннего сбора до зимних холодов, в преддверии нового посевного сезона, Шэнь Цинжань не сидел сложа руки. Изучая местные летописи (сяньчжи), он прикидывал: здесь нужно сажать это, а там — разводить то. Умственный труд давался ему легко, и за несколько дней он исписал толстую стопку тетрадей, от одного вида которых у Императора начинала болеть голова.

Шэнь Цинжань утешал его:

— Впереди у нас вся жизнь, не обязательно же засаживать всё и сразу. Вот после весны следующего года я обустрою усадьбу в столице, сделаю там экспериментальное поле. Буду проверять всё там, а потом уже отправлять семена в другие края.

Слово «вся жизнь» подействовало на Сюэ Фэйфэна как бальзам на душу: на радостях он скормил Шэнь Цинжаню три ложки риса подряд, напрочь забыв о гарнире.

Когда приехала Пань Юньси, Шэнь Цинжань как раз с головой ушел в чертежи. Линь Дуань, который заменял его три дня, по слухам, получил от Сюэ Фэйфэна серьезный нагоняй, но сам он, казалось, даже не заметил этого: возможность изучать любимые чертежи стоила того, чтобы даже посидеть в темнице. Шэнь Цинжань чувствовал себя немного виноватым и,

подумав, решил набросать для Линь Дуаня схему паровой машины — пусть развлекается.

— Барышня Пань, вы приехали! Садитесь сюда, — Шэнь Цинжань отложил кисть. — Вы так усердно трудились. Перезимуйте в этом году в столице, отдохните пару месяцев, я приготовил для вас небольшой дворик.

— Это вовсе не трудно, — Пань Юньси выглядела свежей и румяной, её прежде хрупкая фигурка заметно окрепла. Как всегда, она приехала с кучей сумок и свертков, напоминая замужнюю дочь, приехавшую навестить родителей в канун Нового года. В её сердце родители и братья из семьи Пань остались где-то в далеком прошлом, и теперь Шэнь Цинжань был ей ближе любой родни.

— Я приберегла две ватные куртки для вас, и для брата Ли... то есть для Его Величества, тоже две есть. Зима в этом году ранняя и суровая, обязательно одевайтесь теплее.

Пань Юньси покопалась в сумках и достала мешочек с сушеным бататом с желтой мякотью, а затем еще один, наполненный чем-то красным...

— Сушеные помидоры? — Шэнь Цинжань с искренним восхищением посмотрел на неё. Воистину, не было в мире вещи, которую главная героиня не смогла бы засушить.

Пань Юньси возбужденно затараторила:

— Императрица, те помидоры, что вы посадили, просто объедение! Да еще и хранятся долго. Все соседи наперебой просили семена. Из них такой кисло-сладкий суп получается — пальчики оближешь! Жаль только, до столицы путь неблизкий, свежими не довезти, а сушеные всё-таки немного не те на вкус.

В глазах Пань Юньси читалось искреннее сожаление: «Как жаль, что вы не можете их попробовать». Шэнь Цинжань скромно умолчал о том, что всё это уже пробовал, и с улыбкой поблагодарил:

— Значит, посажу немного здесь, в столице. А какие у вас планы на будущее? Хотите осесть в столице или...

Пань Юньси на мгновение задумалась:

— Мне кажется, всё и сейчас идет прекрасно. Каждый день я при деле, я знаю, что завтрашний день будет лучше вчерашнего... Как бы это точнее сказать... В общем, когда вы поручили мне собрать тех обездоленных женщин прясть хлопок, поначалу они плакали, говорили, что им нечем кормить детей, что с прицепом замуж не выйти, и просили меня узнать у вас, Императрицы, нельзя ли подыскать им хоть какую-нибудь семью. Кого угодно, лишь бы ребенка приняли... Но спустя два месяца, когда я выдавала им жалованье, они так радовались! И больше ни разу не заикались о том, чтобы выскочить замуж за первого встречного.

— Я считаю, что это замечательно, — повторила Пань Юньси.

Шэнь Цинжань в общих чертах понял, к чему она клонит:

— Давай всё хорошенько обдумаем. Мы найдем для них еще больше способов заработать на жизнь.

Глаза Пань Юньси заблестели от предвкушения:

— Вы научите меня, а я — их!

— Договорились.

Шэнь Цинжань и Пань Юньси с увлечением обсуждали тонкости сельского хозяйства, в то время как Линь Дуань сидел рядом, совершенно ничего не понимая, с выражением искреннего недоумения технаря, слушающего лекцию по агрономии.

Ближе к концу года дел у Сюэ Фэйфэна прибавилось. Оценка работы старых и новых чиновников отнимала кучу времени и сил: насколько пригоден новый человек для должности, и не являются ли его знания лишь теорией, можно было понять как минимум через месяц работы. За последнее время Сюэ Фэйфэн уже снял с постов нескольких новоиспеченных цзиньши, умеющих лишь красиво сыпать цитатами из книг. Во всем потоке сдавших экзамены тех, кому можно было доверить серьезное дело, оказалось до обидного мало. Иногда, закипая от злости, он шел кормить Шэнь Цинжаня и заодно контролировал, чтобы тот нормально поел.

Новоиспеченный чжуаньюань (прим. пер.: чиновник, занявший первое место на столичных экзаменах) по имени Ци Гэ, которого Сюэ Фэйфэн лично утвердил на первом месте, обладал не только выдающимся умом, но и весьма привлекательной внешностью.

— Время позднее, я не стану задерживать тебя на обед, — Сюэ Фэйфэн отложил доклад и прозрачно намекнул, что пора и честь знать. Ни для кого не было секретом, что как только наступает время трапезы, Его Величество бросает все дела и спешит составить компанию Императрице.

Но Ци Гэ сегодня проявил удивительную непонятливость:

— У этого подданного есть еще одно дело, требующее вашего внимания.

Казалось, он намеренно тянул время до этого момента.

— Говори по дороге, — Сюэ Фэйфэн направился к Шэнь Цинжаню, решив совместить государственные дела с супружеским долгом.

Ци Гэ:

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Тем временем Шэнь Цинжань в компании двух гостей сидел за столом, обсуждая обустройство опытных полей в предместьях столицы. Дворцовые слуги уже трижды деликатно напоминали, что пора бы и пообедать.

Чан Мин, теперь неотлучно следовавший за Шэнь Цинжанем, мягко предупредил:

— Его Величество сейчас будет здесь.

Шэнь Цинжань мгновенно насторожился, наострил уши и вместе со своими собеседниками, словно испуганные кролики, бросился к обеденному столу.

Если он не поест вовремя, его будет кормить Сюэ Фэйфэн. А это значит — прощай свобода выбора: сколько и чего съесть, будет решать только Император.

— Ешьте, ешьте, — радушно приглашал Шэнь Цинжань Линь Дуаня и Пань Юньси. — Поговорим после обеда.

Войдя в покои, Сюэ Фэйфэн застал умирительную картину: Шэнь Цинжань уплетал еду за обе щеки. Император испытал чувство глубокого удовлетворения: благодаря его неустанным стараниям Шэнь Цинжань поправился уже на целых девять цзиней и стал еще более мягким и приятным для объятий.

— Сановник Ци, присаживайся и ты, — хоть Сюэ Фэйфэн и заявлял, что не собирается никого задерживать на обед, но увидев за столом еще двоих, решил, что третий не сильно испортит им с Шэнь Цинжанем уединение.

Ци Гэ занял место справа от Линь Дуаня.

Они росли и учились вместе. Зная, что Линь Дуань не блещет талантом к написанию сочинений, Ци Гэ всё равно уговорил его поехать в столицу на экзамены. Он боялся, что пока сам будет добиваться звания чжуанъюаня на первых экзаменах нового правления, этот наивный плакса останется без присмотра в родном городе и, чего доброго, женится на ком-нибудь. Ци Гэ заранее заготовил утешительные речи для провалившего экзамены Линь Дуаня, но удача улыбнулась последнему: его приметил сам Шэнь Цинжань.

Ци Гэ не отрицал: он действовал из эгоистичных побуждений и использовал не самые честные методы, уговаривая Линь Дуаня поехать с ним в столицу. Но когда он узнал, что Линь Дуань оказался втянут в обман Императора, подменяя Шэнь Цинжана, он горько пожалел о своем решении.

Линь Дуань оказался в ловушке во дворце. Ци Гэ не сомкнул глаз всю ночь. Если бы ему пришлось разбить лоб о ступени императорского кабинета, отдать всю свою будущую карьеру или даже жизнь в обмен на жизнь Линь Дуаня, он сделал бы это без колебаний и сожалений. Он винил себя за то, что притащил сюда Линь Дуаня, такого бесхитростного и наивного. Императрица приказала — он и подчинился, даже не подумав о последствиях обмана государя.

Кто же знал, что Линь Дуань выйдет сухим из воды.

Наблюдая за Сюэ Фэйфэном, Ци Гэ видел, насколько тот беспомощен перед своей Императрицей. Однако милость государя переменчива, и это не означало, что пособничество в обмане всегда будет сходить с рук. Впервые в жизни Ци Гэ накричал на Линь Дуаня, доведя его до слез. Линь Дуань спрятался в покоях Шэнь Цинжана и уже несколько дней не показывал носа за их пределы.

Ци Гэ не видел его все эти дни и, не выдержав, воспользовался возможностью увязаться за Сюэ Фэйфэном.

Прямо на глазах у Императора и Императрицы, Ци Гэ под столом тайком сжал руку Линь Дуаня и вывел на его ладони три слова: «Прости меня».

Линь Дуань густо покраснел и замер, боясь пошевелиться.

Шэнь Цинжань, поглощенный Сюэ Фэйфэном, ничего не замечал.

Сегодня он успел поесть до прихода мужа, чувствовал себя на коне и даже осмелился пойти в наступление:

— Вчера я заходил на Императорскую кухню.

— И что же?

Шэнь Цинжань с легкой грустью произнес:

— Угадай, что я там увидел? Ты, оказывается, питаешься хуже меня!

Им часто не удавалось пообедать вместе из-за занятости Сюэ Фэйфэна, но Шэнь Цинжань и представить не мог, что в одиночестве Император ест так же скромно, как простой простолюдин.

Сюэ Фэйфэн, пропагандирующий бережливость, естественно, подавал личный пример. Он привык к таким условиям, где даже самая простая дворцовая еда казалась ему во много раз вкуснее армейской похлебки, поэтому разницы он не замечал.

Но вот Шэнь Цинжань был обязан питаться по высшему разряду — тут Его Величество применял двойные стандарты.

— Я не разбираюсь в тонкостях вкуса. К тому же от обилия деликатесов может и живот скрутить, — попытался оправдаться Сюэ Фэйфэн. — Вспомни, как мы жили в деревне Лицзяцунь, разве сейчас не лучше?

Тогда Шэнь Цинжань готовил из рук вон плохо и однообразно, но Сюэ Фэйфэн ел всё без разбору и ничуть не похудел.

Шэнь Цинжань скривил губы. Ага, как же, не разбираешься, зато язык у тебя еще какой ловкий.

У него просто сердце щемило. Он понимал, что питательных веществ Сюэ Фэйфэну хватает, но видеть, как сам он ест лучше императора, было как-то не по себе.

Надо скорее поправиться на эти десять цзиней... нет, на двенадцать! Сюэ Фэйфэн стал императором, аппетиты выросли.

Шэнь Цинжань пощупал свое предплечье. И почему вес набирается так медленно? Ему не терпелось сравнить их рационы с Сюэ Фэйфэном.

Слава богу, девять цзиней уже в копилке.

Пань Юньси, занятая восхищением кулинарными талантами дворцовых поваров, даже не догадывалась, что она — единственная одинокая душа за этим столом.

Закончив трапезу, Сюэ Фэйфэн направился обратно в императорский кабинет. Отойдя на некоторое расстояние, он вдруг нарушил тишину:

— Если хочешь видеться с Линь Дуанем — говори прямо. Не вижу ничего зазорного в искренности между государем и подданным.

— Этот подданный виноват.

— Впредь чтобы такого не было. Можешь не вставать на колени, — Сюэ Фэйфэн продолжил идти. — Жену нужно уговаривать. Как только помиритесь — сразу забирай его.

Чего он целыми днями околачивается возле Шэнь Цинжана? Сюэ Фэйфэна это давно раздражало, и сегодня он наконец-то понял причину.

Ци Гэ ожидал от Сюэ Фэйфэна нагоняя, но ничего подобного не последовало — всё обошлось

так же гладко, как и в случае с Линь Дуанем. Теперь он начал понимать, почему Линь Дуань был так предан Императрице.

Во-первых, наблюдая за глубокими отношениями и взаимопониманием между Шэнь Цинжанем и Сюэ Фэйфэном, он был уверен, что его действия не навредят другим. Линь Дуань вовсе не был дураком: он пошел на риск только потому, что видел, как Император и Императрица относятся друг к другу, и знал, что ему ничего не грозит.

А во-вторых, Императрица искренне заботилась о нем... да еще как заботилась...

Ци Гэ вспомнил, как свежо и радостно выглядел сегодня Линь Дуань. Он отчетливо слышал слова Шэнь Цинжана о том, что питание в его покоях — лучшее во всем дворце.

Сам Ци Гэ, даже если бы взял Линь Дуаня на свое полное обеспечение, не смог бы добиться столь быстрого эффекта. Раньше Ци Гэ видел в Сюэ Фэйфэне лишь монарха, которому стоит служить, но теперь он почувствовал, что в нем проснулась искренняя, личная преданность.

Вспомнив напольные весы, которые он заметил справа от стола, он задался вопросом: сколько же веса набрал его Линь Дуань, питаясь здесь всё это время? Глядя на внушительную фигуру Императора, одетую в ярко-желтый халат, Ци Гэ решил, что долг верного подданного — указать государю на одну маленькую деталь.

— Ваше Величество, осмелюсь заметить, что весы, которыми пользуется Императрица, кажется, немного... неточны, — деликатно намекнул Ци Гэ. По весам было отчетливо видно, что над ними поработал Линь Дуань, оставив свои характерные, почти незаметные следы. Ци Гэ знал Линь Дуаня лучше всех и узнал их с первого взгляда.

И переделывались они явно не один раз. Линь Дуань имел привычку оставлять метку каждый раз, когда что-то разбирал.

Сюэ Фэйфэн резко остановился. Так вот почему Шэнь Цинжань в последнее время стал так стремительно "поправляться"!

Не было там никаких девяти цзиней!

Гнев Сюэ Фэйфэна обрушился на Ци Гэ:

— Немедленно забирай своего Линь Дуаня отсюда!

Что за возмутительная ситуация: кормишь-кормишь, а толстеет чужая жена!

Ци Гэ с готовностью ответил:

— Будет исполнено немедленно.

Проводив Пань Юньси, Шэнь Цинжань вместе с Линь Дуанем уселись на корточки перед весами.

— Подкрути еще немного, — прошептал Шэнь Цинжань, чтобы никто не услышал. — Завтра я должен "поправиться" еще на один цзинь.

Ну что поделать, если вес набирается так медленно?

Линь Дуань кивнул и принялся копаться в механизме. Румянец всё еще не сошел с его щек.

Этот метод был надежным — никаких улик не оставалось.

Шэнь Цинжань с интересом наблюдал за ним:

— Вы с господином Ци знакомы?

Линь Дуань залился краской до корней волос.

Только увидев Шэнь Цинжана и Сюэ Фэйфэна вместе, он наконец осознал, что, возможно, испытывает к Ци Гэ не только дружеские чувства. До него дошел смысл всех тех двусмысленных фраз, которые Ци Гэ говорил ему раньше. С сердцем, колотящимся как пойманная птица, он вернулся домой, но не успел и слова сказать, как получил от Ци Гэ такую суровую отповедь, что мигом спрятался обратно в свою раковину.

Ци Гэ в гневе был поистине страшен.

Оказывается, Ци Гэ считает меня таким глупым, — Линь Дуань чувствовал себя немного уязвленным.

Шэнь Цинжань:

— Ладно-ладно, больше не спрашиваю. Только руки пусть не дрожат, а то если "поправлюсь" сразу на два цзиня, Сюэ Фэйфэн точно что-то заподозрит.

Случайно подслушавший это Сюэ Фэйфэн: «...» Среди бела дня! Прямо у меня под носом!

Не слишком ли сильно я его разбаловал?

<http://bllate.org/book/17933/2156145>